

СУДНЫЙ ДЕНЬ

С обросшей снегом бородой
в незнаемом году
опять я к улице родной
однажды подойду.
Пройду, продавливая наст,
и бабы у плетня
внимательным прищуром глаз
нацелятся в меня.
Очки от снега заслоня,
тогда увижу ль я,
что не спешит признать меня
моих отцов земля,
как будто не жил никогда
я здесь, среди родных,
и не найти в наплыве льда
нигде следов моих?
А я на ней сады садил
и от работы креп,
я рук затекших не щадил,
выращивая хлеб,
я ранил ноги на стерне,
я пух от лебеды,—
не я на ней, она на мне
оставила следы.
Скользя по сколотому льду,
сверну я на огонь,
в перчатках ощупью найду
приятеля ладонь,
чтоб он осел на каблуки,
чтоб выдохнул: — Да ну?..—
И я в похожих на тиски
объятьях утону.

На стол поставят холодец,
товарищи придут.
Он состоится наконец,
расспросов страшный суд.
Да, будет страшно, если ты,
весь путь проверив свой,
тогда не сыщешь ни мечты,
ни песни за душой.
Теперь, когда, бывает, лень
от дела оторвет,
я представляю этот день —
и оторопь берет.
И вновь за стол, как за станок,
садишься до ночи.
— Григорь Семеныча сынок?..
— Григорь Семеныча!..